

Е. А. Кайсаров¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ДВОЦЕНТРИЕ РУСИ–РОССИИ

На рубеже XVIII–XIX веков в общественное сознание вошла проблема «Петербург–Москва». «Ничто в мире не существует напрасно: если у нас две столицы, — писал В. Г. Белинский, — значит, каждая из них необходима, а необходимость может заключаться только в идее, которую выражает каждая из них»². Бинарность стала системообразующим фактором российской цивилизации на протяжении всего ее существования. Она проявляется в государственной, общественной сферах, но в еще большей мере — в области культуры. Тысячелетняя история русской культуры убедительно показывает: сущность национального менталитета русской культуры заключается в двусоставности ее ядра, являющего собой буквальное единство противоположностей или, может быть, «раздвоение единого». При этом каждая из «половинок» противоречивого целого утверждается за счет постоянного противоборства со своей противоположностью; без этого перманентного спора теряет смысл само существование каждого из двух противостоящих друг другу полюсов — они взаимодополнительны, и победа одного нарушает равновесие всей бинарной системы, что приводит к катастрофическим последствиям для целого³.

Бинарность, диалогизм отношений двух центров порождают постоянную конфликтность противоположных тяготений, потенциальную нестабильность системы, непредсказуемость ее саморазвития, ее исключительный динамизм и внутреннюю напряженность. Отсюда же не только потенциальная готовность русской культуры и общественной жизни к конфронтациям и расколам, начиная с религиозного и политического и заканчивая литературными, стилевыми, — но и настоятельная потребность в их преодолении, в достижении обобщающего в себе все противоречия «всеединства».

Двоецентрие стало генетически наследуемой чертой Руси–России. У истоков нашей государственной, культурной, вероисповедальной истории стояли Киев и Новгород — два крупнейших центра не только Руси, но и средневековой Европы. Единство северного и южного центров, которое наметилося на начальных этапах становления Руси, отчетливо прослеживается вплоть до татаро-монгольского нашествия. В 882 году, пройдя с севера на юг, Олег захватил власть в Киеве, убив Аскольда и Дира, и стал киевским князем. Тогда же произошло объединение восточнославянского пространства вдоль знаменитого торгового пути «из варяг в греки». На двух концах пути этой ранней эко-

номической и политической оси восточных славян находились Новгород и Киев. Новгород контролировал вход в Балтийское море, а Киев — в Черное. Уже само географическое расположение городов на этом торговом пути диктовало этим двум центрам необходимость жить в тесном единстве, поскольку они органично зависели друг от друга, а от них зависело раннее государственное пространство Руси. Объединение севера и юга Руси дало совершенно новое качество: Южная Русь укрепила системой крепостей, что обеспечило ей защиту от печенежских орд, которые вторгались в ее пределы, достигая Киева. Оборонительная линия была обустроена также на северо-востоке и севере Руси — в Ростове и Новгороде. В целях обеспечения безопасности этих земель осуществлялись походы на беспокойных соседей Руси⁴.

В Киеве и Новгороде практически одновременно было принято православное христианство. Киев стал центром митрополии с кафедральным Софийским собором. Этот храм стал духовной опорой Древней Руси, при нем была основана библиотека Ярослава Мудрого, первая на Руси, которая, по подсчетам наших историков, насчитывала около тысячи томов, причем не только богослужебной, но и учительной литературы. После завершения Софии Киевской строительная артель была переведена в Новгород для строительства Софии Новгородской. О том, что Киев и Новгород являлись сакральными центрами Руси, свидетельствует особое отношение в них к культу Бориса и Глеба, а также Владимира Святого. Новгородцы понимали, что это их корни, с которыми у них существует глубинная связь. Несмотря на то что новгородские бояре часто конфликтовали с князьями, приходившими из Киева, общая духовная память объединяла эти два центра на протяжении всей древнерусской истории⁵.

Двоецентрие во многом связано с дискретным характером социокультурной истории России. Н. Бердяев считал, что история русского народа развивается через «прерывность» и «изменение типа цивилизации». Он насчитывал в истории России пять «разных Россией». Каждый из периодов характеризуется социокультурным своеобразием и внутренним единством. Переход от одного социокультурного этапа к последующему оказывается невозможно совершить постепенным, эволюционным путем: каждый раз происходит резкая, своего рода революционная смена культурно-исторических парадигм. При этом общий тип российской цивилизации на самом деле не менялся, но находился в процессе непрерывного становления, эволюции. Противоречия между социальными и культурными явлениями возникали в результате наложения друг на друга культурно-исторических этапов: один этап еще не завершился, в то время как другой уже начался. Подобное историческое наслоение этапов встречается и в других мировых культурах, но в российской

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Белинский В. Г. Петербург и Москва // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 393.

³ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 537.

⁴ Толочко П. П. Киев и Новгород: у истоков Древней Руси. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 12.

⁵ Там же. С. 14.

цивилизации оно становится постоянной типологической чертой. Как бы ни отличались друг от друга социокультурные типы, между ними есть нечто общее, узнаваемое — это именно этапы истории российской, а не какой-либо иной культуры.

М. С. Каган выделял в истории русской культуры два решающих поворота, две «культурные революции»: принятие христианства на Руси и основание Петербурга. В обоих случаях обширное и могучее государство, лежащее на евразийском континенте, между Востоком и Западом, волей его правителей разворачивалось лицом к Европе: первый раз — к господствовавшей там христианской религии, второй раз — к светской культуре Просвещения. Кто бы и как бы ни расценивал эти два переломных для судеб отечественной культуры события, объективно они стали главными вехами на пути ее развития — психологического и политического, нравственного и художественного. Сотворенный волей Петра Петербург стал носителем новой, светской культуры, в противовес церковной, центром которой на тот момент была Москва. Это вызвало резкую неприязнь к нему — вплоть до пожелания гибели городу со стороны ортодоксальных и фанатичных приверженцев приоритета религии в национальном самосознании русского народа¹. Так появился новый бицентризм русской культуры: Москва–Петербург, который стал результатом наложения светского культурно-исторического этапа на религиозный.

В 1990-е годы в окружении Б. Н. Ельцина появилась формула: «Петербург — культурная столица». Петербуржцам лестно и приятно слышать: они жители «культурной столицы». Но никто при этом не задает вопрос: «А что такое Москва?» Бескультурная, не-

культурная столица? И как представляют себе культуру России без Москвы как носителя русской культуры? В своих книгах и многочисленных статьях, посвященных Петербургу, М. С. Каган принципиально настаивал на том, что Россия — единственная страна в мире, в которой на протяжении трех веков при одной юридической столице (двух юридических столиц в стране быть не может) есть две культурные столицы. Вся история русской культуры последних трех веков — это история духовного бицентризма. В истории великой русской литературы было не просто два титана — Достоевский и Толстой, с индивидуальными особенностями творчества того и другого, но представители двух ипостасей русской культуры, ибо «петербургской» природе творчества Достоевского противостоит «московская» природа творчества Толстого. То же самое происходило и в истории русской музыки, живописи, философии².

Но все же конфронтация двух столиц уходит в прошлое, а перспектива развития лежит в сфере диалога, то есть такой формы духовного общения людей и культур, участники которого, сохраняя каждый свою индивидуальность, стремятся к достижению возможно более глубокого единства их базовых ценностей, необходимого для взаимопонимания и эффективности совместной деятельности.

Каким должно быть наше отношение к двоецентрию отечественной культуры? Как к данности, своеобразию, нашему достоинству и богатству. Исчезновение одного из центров станет катастрофой для всей отечественной культуры. В интересах России сохранить культурные особенности главных ее городов и такие их связи, благодаря которым достигается единство различного.

¹ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 31.

² Каган М. С. Перспективы развития культуры Петербурга в XXI веке // История культуры Петербурга и современности. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 9–10.